

**ПАВЕЛ
(ПЕСАХ)
АМНУЭЛЬ**

РАССЛЕДОВАНИЯ
БЕРКОВИЧА 3 (СБОРНИК)

Павел Рафаэлович Амнуэль
Расследования
Берковича 3 (сборник)
Серия «Расследования
Бориса Берковича»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39140945
Расследования Берковича 3: Остеон-Пресс; Ногинск; 2014
ISBN 978-5-85689-195-8

Аннотация

Сборник отличных, остросюжетных и действительно интересных рассказов, публиковавшихся в разные годы в периодической печати Израиля. Все эти произведения вышли из-под пера признанного мастера, известного в России преимущественно в жанре фантастики. Однако П.Амнуэль немало сделал и на ниве детектива.

Содержание

Волшебный эликсир	5
Самоубийство на пляже	14
Убийство в отеле	24
Алиби при луне	33
На бытовой почве	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Павел (Песах) Амнуэль

Расследования Берковича 3

© Песах (Павел) Амнуэль, 2014.

© Издательство «Млечный Путь», 2014.

© ООО «Остеон-Пресс», оцифровка текста, вёрстка,
2014.

Волшебный эликсир

– Собираешься за границу? – спросил инспектор Хутиэли сержанта Берковича, когда тот сообщил начальнику о том, что уходит в отпуск.

– Да... – рассеянно сказал Беркович, перебирая на своем столе бумаги и соображая, в какой из ящиков их лучше спрятать. – Вы правы, инспектор, именно за границу.

– Франция, Англия, Испания? – перечислил Хутиэли и, подумав, добавил: – В Италию не советую. Говорят, там воруют.

– Какая Франция, господин инспектор? – удивился Беркович. – Мы с Наташей едем за границу Тель-Авива и даже, я сказал бы шире: за границу Гуш Дана. И даже еще шире – за границу государства Израиль в пределах 1967 года.

– А! – понял наконец инспектор. – Решили пожить в поселении? Друзья? Знакомые? Родственники?

– Всего понемногу, – улыбнулся Беркович. – В Эли живет мой любимый двоюродный дядя, которого я не видел со дня приезда в Израиль. В Бейт-Эле поселился друг детства и, по его словам, это самое красивое место от Метулы до Эйлата. А в Офру нас зовет Наташина подруга, с которой она училась в ульпане.

– Так куда же вы в конце концов решили отправиться? – поднял брови Хутиэли.

– Будем путешествовать. День в Эли, день в Офре, два дня в Бейт-Эле. Еще есть знакомые в Кирьят-Арба, так что туда мы тоже заедем на обратном пути.

– Будь осторожен! – посоветовал инспектор. – Впрочем, ты и сам понимаешь. А Наташа не боится? Все-таки территории, арабы, возможны провокации.

– Да, – кивнул Беркович. – Относительно провокаций вы правы. Наташа готова на любую провокацию, лишь бы показать Арафату, кто здесь хозяин. У нее идея: поехать в Иерихон в машине с израильским флагом...

– Надеюсь, ты сможешь удержать ее от глупостей? – тревожно спросил Хутиэли.

– Удержать женщину от глупостей, – вздохнул Беркович, – можно только совершив еще большую глупость. Я пообещал, что, когда мы вернемся, то сразу пойдем в раввинат и назначим день свадьбы.

– О! – воскликнул Хутиэли. – Поздравляю! Давно пора.

– Потом поздравите, инспектор, – сказал Беркович. – Скажите лучше, нет ли какого-нибудь дела, чтобы проветрить мозги перед отпуском.

– Есть, – хмыкнул Хутиэли. – В десять совещание у генерального инспектора. Пойдешь вместо меня, я позвоню.

– Ну спасибо, – пробормотал Беркович, – не такой работы я хотел бы в последний день.

– Борис, ты не прав, – назидательно сказал Хутиэли и повернулся к компьютеру...

Рано утром в воскресенье Борис и Наташа ехали в потрепанной «субару» на северо-восток, к поселению Эли. Беркович не сказал инспектору главного: в Эли их ждал не только любимый дядя, но и группа молодых поклонников детективов, начитавшихся Стаута, Гарднера и Корецкого и желавших в тишине и на природе поболтать о героях-суперменах. Беркович подозревал, что за предложением поговорить о литературных персонажах кроется тривиальное желание поиграть в теннис, пожарить шашлыки, поволочиться за красивыми женщинами – в общем, оттянуться и отвлечься на несколько дней от назойливого ритма городской жизни. Можно и о Гарднере поговорить, почему нет?

В поселение приехали незадолго до обеда, и любимый дядюшка, забывший уже, как выглядит дорогой племянник, показал Борису и Наташе их комнату.

– А можно мы будем ночевать у вас в саду? – спросила Наташа, выглядывая в окно.

– В доме, – внушительно сказал дядя, – кондиционер, а в саду комары. Вы выбираете...

– Мы выбираем комаров, – решительно сказала Наташа. – Как бороться с комарами, я знаю, а управлять кондиционером еще не научилась.

Борис пожал плечами и сказал:

– Не думаю, что нам вообще удастся уснуть. Тут ведь сборище намечается...

– Да, я слышал, – с неудовольствием сказал дядя. – Фана-

ты.

Вечером приехали Марк и Алена Визборы из Холона, чуть позже, когда почти совсем стемнело, появились братья Аркадий и Мирон Ступникеры, мчавшиеся через половину страны из Нацерет-Илита, и наконец, когда уже взошла полная луна, прибыл Игорь Смелин со своей новой подругой Илоной. Вся компания оказалась в сборе, и любители детективов, а точнее – любители ночного трепа при луне, расположились на лужайке за крайним домом поселения и приготовились коротать ночь в приятной беседе.

Начали, естественно, с последнего романа Марининой.

– А вы слышали, – страшным шепотом сообщила Алена Визбор, – что почти все детективы в России пишут женщины? Просто они берут себе мужские псевдонимы, потому что женскую литературу мужики читать не хотят!

– Совсем наоборот! – возмутился Аркадий Ступникер. – Это только Маринина – женщина. А все остальные детективчики – мужчины, даже эта знаменитая Булгакова. А женские псевдонимы берут по требованию издателей, потому что такие книги легче продать.

– Загадка! – воскликнул Игорь и посмотрел на Берковича. – Детектив! Кто пишет эти книги – мужчины или женщины? Что говорит по этому поводу дедуктивный метод израильской полиции?

Поскольку взгляды были обращены на Берковича, он сказал лениво:

– По-моему, все это пишет компьютер по собственной инициативе. Сюжеты – на одно лицо. А детективов в России нет вообще; все, что издается под маркой детектива, на самом деле всего лишь полицейские романы или триллеры. Совершенно другой жанр. Где загадка? Где расследование? Где игра ума?

– Хочешь поиграть умом? – вмешалась Илона, новая подруга Игоря Смелина. Ее никто прежде не видел, и потому всем хотелось послушать, что она скажет.

– Я-то? – удивился Беркович. – Нет, честно говоря. За год так наигрался...

– Ну тогда остальные, – решительно сказала Илона. – Я прошлой зимой была у подруги на Аляске...

– Где? – воскликнул Игорь. – Ты мне об этом не говорила!

– Неужели на Аляске тоже живут евреи? – спросил Аркадий.

– Нет, Света – русская, вышла несколько лет назад замуж за американца, думала, что будет жить в Нью-Йорке, а он оказался метеорологом и отправился следить за погодой в Фербанкс, а это такая дыра... Я бы и недели не прожила.

– А сколько же ты там проторчала? – поинтересовался Игорь. – Сутки?

– Две недели. Полярная ночь, можете себе представить, температура минус двадцать-тридцать... И это еще ничего, бывает хуже. Но я не о том. Когда я там была, случилась одна история. Очень романтическая и загадочная. Рассказать?

– Не тяни резину, – потребовал Игорь.

– На востоке Аляски живет какое-то индейское племя, – начала Илона. – Вроде эскимосов или наших эвенков. И в Фербанксе есть человек, который с этими индейцами торгует. На машине к ним не пробиться, он ездит на собачьей упряжке, возит индейцам ширпотреб и какой-то эликсир от всех болезней, который сам и готовит.

– Эликсир? – переспросил Игорь. – Что за эликсир?

– Не беспокойся, – отрезала Илона. – Тебе это средство не поможет. Говорят, это просто подслащенная вода, но индейцы верят всему и хорошо платят. Но ты меня перебил!

– Больше не буду, извини...

– Так вот, на третий день, когда я уже выла от тоски по цивилизации, случилась страшная история. Индейцы пробрались в городок и похитили Джин Оксфорд, дочь хозяина бакалейной лавки.

– Почему вы думаете, что это были индейцы? – вмешался Беркович.

– Я-то ничего не думаю, – отпарировала Илона. – Но так сказал местный шериф. Должно быть, изучил следы. Девушку увезли куда-то на восток, к канадской границе, и преследовать их в полной темноте, ведь стояла полярная ночь, было невозможно. Я вообще думала, что бедная Джин замерзла, как только ее увезли – ехать в тридцатиградусный мороз в собачьей упряжке... Б-р-р... Шериф собрал всех молодых мужчин города, муж Светы, конечно, тоже вызвался, но Све-

та решительно сказала, что, если он оставит двух женщин без присмотра, то мы обе сбежим на юг... В общем, Билл остался. Впрочем, остальные тоже вскоре вернулись домой, потому что на сход явился этот торговец с индейцами по имени Сэм Дилани и заявил, что попробует справиться сам. Индейцы, мол, ему доверяют и все такое. А Джин они украли, конечно, ради выкупа. Так не лучше ли заплатить им и обойтись без крови? Ну, шериф, естественно, был против: никаких, мол, переговоров с преступниками, всех, мол, нужно поймать и посадить... Ну, знаете, Фербанкс это все-таки не Нью-Йорк, мужчины подумали и решили с индейцами не связываться. Устраивать войну из-за Джин? В общем, скинулись, отец девушки лично положил пятнадцать тысяч долларов, остальные дали еще пять. И этот Дилани отправился на своей телеге...

– На телеге? – переспросил Беркович.

– Ну, это я ее так назвала. Вообще-то это крытая маленькая повозка, человек туда влезает с трудом, поэтому весь товар привязан снаружи. Бутылочки с пресловутым эликсиром тоже были развешаны вдоль борта, будто новогодние игрушки... Отец Джин рвался поехать вместе с Дилани, но тот решительно отказался – индейцы, мол, не станут говорить, если они объявятся вдвоем. И уехал.

– И что же? – с любопытством спросил Беркович. – Привез эту Джин обратно?

– Конечно! Он вернулся через неделю вместе с Джин. Де-

вушка ехала в повозке, а сам Дилани в каких-то санях, которые ему дали индейцы. Джин была вне себя от радости. А Дилани рассказал, что пришлось раздарить все бутылочки с эликсиром – иначе индейцы и разговаривать не желали. Деньги, конечно, они взяли...

– А что шериф? – поинтересовался Беркович.

– Шериф? Пожал торговцу руку и произнес речь о том, что, с одной стороны, Дилани, конечно, молодец, а с другой – платить похитителям это не метод, с ними нужно решительно бороться... ну, и все такое.

– И все? – спросил Беркович.

– А что еще? – не поняла Илона. – Ах да, отед Джин дал торговцу за помощь тысячу долларов.

– И он взял?

– А почему бы и нет? – удивилась Илона. – Он же рисковал...

– Ничем он не рисковал, – буркнул Беркович. – А шериф тот просто дурак. Я понимаю, что в глубинке люди не всегда соответствуют... Но не до такой же степени!

– А что такое? – растерялась Илона.

– Так ясно же, что этот Дилани участвовал в афере! Договорился с индейцами, чтобы они похитили девушку, а потом поделился с ними выкупом.

– Как ты можешь так говорить? – возмутилась Илона. – Ты бы видел, как этого Дилани провожали! Как Джин его благодарила! А погода... Что он, дурак, по такой погоде...

– Он-то не дурак, – хмыкнул Беркович. – Но, дорогая Илона, ты же сама сказала, что мороз был градусов тридцать. А бутылочки с эликсиром были развешаны снаружи повозки. При такой температуре даже подсахаренная вода превращается в лед. Бутылочки просто взорвались бы, если бы в них что-то было! Все они были пусты, вот что! И этот Дилани вешал вам на уши лапшу, рассказывая, как дарил индейцам эликсир.

– Но... Он же действительно привез Джин обратно, – растерянно сказала Илона.

– Естественно, – кивнул Беркович. – Для того и увозил, чтобы привезти. Эх, ребята, вот так и создаются мифы... И детективные истории, кстати, тоже. Какая-то деталь, которую почти никто не замечает... И готов бестселлер.

– Что-то ты ворчлив сегодня, – сказала Наташа, обнимая Бориса. – Пойдем, я устала.

– Пойдем, – согласился Беркович. – Только умоляю, не рассказывай мне перед сном детективную историю.

Самоубийство на пляже

Ночью пролился первый дождь. Первый – за последние полгода. И конечно, с грозой, расколовшей ночную тишину и заставившей половину Израиля проснуться и наблюдать, как небо прорезают стрелы молний.

Утром было прохладно и сыро, и Беркович отправился на службу пешком, чтобы подышать свежим воздухом. Конечно, он не собирался идти через весь Тель-Авив, и на улице Жаботинского сел в автобус, но все-таки прогулка позволила ему так прочистить мозги, что, войдя в кабинет, сержант готов был к расследованию любого, самого запутанного преступления. Инспектора Хутиэли еще не было, и Беркович подумал, что шеф, видимо, тоже решил перед работой проветриться и поехал кружным путем, вдоль набережной.

Когда Беркович вошел в кабинет, инспектор Хутиэли заканчивал разговор по телефону. Положив трубку, он сказал:

– Поехали, сержант. Убийство в северном Тель-Авиве.

– Ну вот, – вздохнул Беркович. – А день так хорошо начинался...

По дороге слушали по громкой связи доклад патрульной группы, вызванной на виллу Оханы Толедано, известного в деловом мире человека, хозяина нескольких фабрик по производству изделий из золота.

– Вчера у Толедано собрались пятеро знакомых, не счи-

тая хозяйина, – докладывал сержант Михельсон, патрулировавший ранним утром район вилл вблизи побережья. – Все деловые люди. В числе приглашенных был и Арнольд Брукнер, хозяин строительной компании «Авиталь»...

– Позвольте, – прервал сержанта инспектор, – это тот самый Брукнер, чья фирма на прошлой неделе признана банкротом?

– Тот самый, – подтвердил Михельсон. – Долгов у него около трех миллионов. Похоже, что компания и собралась для того, чтобы обсудить, чем можно помочь Брукнеру...

– Могу себе представить, – буркнул Хутиэли. – Каждый наверняка думал о том, как бы не связываться больше с Брукнером до конца жизни...

– Возможно, – сдержанно произнес Михельсон, слышно было, что он переворачивает какие-то бумаги. – Собрались они часов в десять вечера и, по словам Толедано, говорили о делах. Брукнер был мрачен. Около полуночи началась гроза, и Брукнер неожиданно заявил, что намерен подышать воздухом. Ему сказали, что сейчас хлынет ливень, и он промокнет, но Брукнер все равно отправился на улицу, точнее – в сторону моря, до которого от виллы метров пятьдесят, не больше. Через несколько минут действительно полил ливень. Толедано думал, что Брукнер сейчас вернется...

– Стоп, – прервал инспектор. – Мы подъезжаем, куда нам сворачивать от шоссе?

– Влево и затем – прямо до конца улицы. Я вас вижу.

Через минуту они Хутиэли и Беркович вышли из машины перед воротами двухэтажного особняка – это и была вилла Толедано. Здесь уже стояла машина скорой помощи и два полицейских автомобиля. Сержант Михельсон поспешил им навстречу.

– Где обнаружено тело? – спросил Хутиэли.

– Пойдемте, – предложил Михельсон. – Вот дорожка, ведущая к морю. А там видите – каменные скамейки? Вторая слева...

Беркович уже и сам видел – около второй скамейки стояли эксперт Файн и три медика, приехавшие забрать труп. Брукнер, одетый в легкий летний костюм – светлые брюки и рубашка навыпуск, – полулежал на скамье, руки бессильно свисали, а голова склонилась вправо. На левом виске ясно было видно пулевое отверстие с запекшейся кровью и следом ожога – выстрел был произведен практически в упор. Струйка крови застыла на щеке погибшего и на воротнике рубашки, и левом рукаве. Пистолет «беретта» лежал в небольшой лужице у ног погибшего.

– Похоже на то, что пальцевых отпечатков вы здесь не найдете, – обратился Хутиэли к эксперту.

– Нет, конечно, – покачал головой Файн. – Всю ночь шел дождь, а пистолет, выпав из руки, упал в воду, тут еще и грязь...

– Самоубийство? – сказал инспектор.

– Да, – кивнул эксперт. – Он пришел сюда, когда началась

гроза. Гремел гром, и выстрела никто не слышал. Брукнер держал пистолет в левой руке, вот смотрите – пальцы сжаты таким образом, что понятно: перед смертью Брукнер держал в руке какой-то предмет. Положение пистолета – смотрите сюда – показывает, что выпал он из левой руки Брукнера.

– Он что, был левша? – поинтересовался Хутиэли.

– Да, представьте себе, – сказал эксперт. – Об этом я уже спрашивал у хозяина виллы... Если вы не против, инспектор, я разрешу унести тело.

Хутиэли внимательно осмотрел труп, Беркович следил за взглядом шефа, а сам думал о том, что даже потеряв последнюю надежду, он никогда не пустит себе пулю в висок. Беркович не понимал самоубийц и всегда считал, что в психике этих людей есть наверняка какие-то отклонения от нормы, проявляющиеся в критических обстоятельствах. Сержант вглядывался в лицо Брукнера, желая разглядеть нечто, подтверждающее его гипотезу, но ничего не нашел – обычное лицо израильтянина средних лет, жесткий изгиб губ.

– Он умер в промежутке от полуночи до часа ночи, – сказал эксперт, когда медики положили тело на носилки и понесли к машине. – То есть вскоре после того, как ушел от Толедано. Все совпадает: сказал, что идет проветриться, а сам направился к морю и застрелился.

– Похоже на то, – согласился инспектор и, кивнув Берковичу, направился к дому.

В холле первого этажа сидели в креслах четверо: Охана

Толедано и его вчерашние гости, поднятые с постелей и привезенные на виллу для снятия показаний. После обмена любезностями и знакомства инспектор сказал:

– Я одного не могу понять, господа. Брукнер сказал, что пойдет прогуляться, и не вернулся. А вы через час-другой разъехались по домам, даже не поинтересовавшись, куда делся один из гостей?

– Ничего странного, – ответил за всех Толедано. – Эта причуда Альберта всем известна. Он почти каждый раз уходит, не прощаясь, а вчера Альберт находился в таком состоянии, что понятно было: он хочет побыть один.

– Но когда вы уезжали, – обратился Хутиэли к гостям Толедано, – то должны были увидеть на стоянке машину Брукнера и понять, что никуда он не уехал...

– Я поставил машину на соседней улице, – сказал Ниссим Бартана, директор небольшого завода по ремонту лифтов. – Я не мог видеть машину Альберта. К тому же, шел дождь, я быстро добежал до машины и не смотрел по сторонам.

– Верно, – кивнул Хаим Мендель, начальник отделения банка «Апоалим». – Моя машина стояла перед домом, но я не смотрел по сторонам, дождь лил, как из ведра.

– Я уезжал последним, – степенно добавил Сильван Динкин, строительный подрядчик из Модиина. – Не хотел ехать в дождь и дождался, когда лить стало меньше. О том, что Альберт не вернулся, я к тому времени и думать забыл.

– Ливень кончился около четырех, – напомнил Хутиэли.

– Да, – согласился Динкин. – Мы с Оханой сидели вот здесь и разговаривали.

Толедано подтверждающе кивнул.

– Вы говорите, что Брукнер был мрачен, – сказал инспектор. – Вы знали, чем это было вызвано. Вы пытались отвлечь его от мыслей о банкротстве? Вы видели в его поведении что-нибудь, что навело бы вас на мысль...

– О том, что Альберт собирается покончить с собой? – спросил Толедано. – Нет, честно говоря, лично мне такой поворот событий и в голову не приходил. Конечно, положение у Альберта было ужасным, новых кредитов банки ему не дали бы...

– Точно, – подтвердил Мендель. – Я лично не дал бы, хотя и знаю... знал Альберта не первый год.

– Прошу прощения, – подал голос сержант Беркович, который до этой минуты молча вглядывался в лица присутствовавших и размышлял над той единственной зацепкой, которая, как ему казалось, могла изменить ход расследования. – Прошу прощения, а в промежутке от полуночи до часа кто-нибудь выходил на улицу? Я имею в виду, – пояснил Беркович свою мысль, – он мог бы слышать выстрел или вообще увидеть что-то странное... фигуру Брукнера с пистолетом в руке, например.

– Ну что вы, – всплеснул руками Толедано. – Если бы кто-нибудь из нас что-то увидел, мы бы давно об этом сказали, верно?

Гости согласно кивнули.

– А выходили все, – продолжал Толедано. – Ведь хлынул ливень, первый за многие месяцы, и мы один за другим выходили на веранду подышать. На веранду ведь ни капли не попадает.

– Понятно, – протянул Беркович. – Значит, если бы и Брукнер дышал воздухом на веранде, вы его непременно увидели бы?

– Безусловно, – твердо сказал Толедано. – Когда я выходил, на веранде никого не было.

– А вы... – Беркович обвел взглядом гостей.

– Никого, – подтвердил Мендель. – Я выходил последним, гроза уже стихала. Я и не думал, что застану на веранде Арнольда, ведь, если бы он там был, мне бы об этом сказали Сильван или Ниссим...

– Он наверняка сразу пошел к морю, – буркнул Бартана. – А гремело так, будто стреляли из орудий...

– Я вышел почти сразу после Арнольда, – сказал Динкин. – Его уже не было на веранде. Он действительно сразу пошел к морю.

– Вы могли его видеть? Ведь с веранды виден берег...

– Нет, – покачал головой Динкин. – Там было темно. Конечно, сверкали молнии, но я, в общем, не вглядывался...

– Понятно, – сказал Беркович. – Скажите, господин Динкин, вы были здесь в этих туфлях?

– Что? – удивился Динкин. – Не понимаю, при чем

здесь... Нет, не в этих.

– А почему вы надели другие туфли, когда вас попросили вернуться на виллу?

– Ну... Не знаю, честно говоря. Возможно, та пара была испачкана... Ну, конечно, так и было, у меня не было времени чистить обувь.

– А зачем ее чистить? – удивился Беркович. – По вашим словам, вы уехали, когда дождь уже закончился. Где вы могли выпачкать туфли?

– Да не помню я, – раздраженно сказал Динкин. – Наверное, наступил куда-то...

– Так я вам напомню – куда именно, – любезно сказал Беркович. – Вы должны были отнести тело Брукнера к морю и посадить на скамью. А там нет асфальта. Туфли вы действительно не успели почистить, и это очень хорошо – эксперт без труда установит идентичность грязи на туфлях с землей около той скамьи, где нашли Брукнера. И это будет абсолютно надежной уликой.

– Что вы хотите сказать? – побледнел Динкин.

– Я хочу сказать, – продолжал Беркович, – что вы вышли на веранду сразу после Брукнера, гремела гроза, и вы решили этим воспользоваться. Брукнер, видимо, стоял у перил и был мрачен. Вы сказали ему, что беспокоитесь, как бы он от отчаяния не наложил на себя руки и попросили пистолет – мол, так будет спокойнее. Брукнер передал вам оружие, и вы выстрелили в тот момент, когда грохнул гром.

– Что вы несете, сержант? – воскликнул Динкин.

– Тело вы положили за оградой, туда тоже не попадал дождь, и вы вернулись в салон совершенно сухим. А потом дождались, когда все уехали, а дождь закончился, попрощались с хозяином и в темноте потащили тело к морю. Посадили на скамью, а пистолет бросили в лужу. У вас ведь наверняка были какие-то дела с Брукнером, вы, можно сказать, коллеги.

– Послушайте, инспектор, – возмущенно сказал Динкин, обращаясь к Хутиэли. – Почему я должен выслушивать эту чепуху?

– Не должны, – согласился инспектор. – И сержант принесет вам свои извинения, если грязь на вашей обуви не совпадет с образцами почвы около скамейки на пляже.

Динкин вскочил.

– Послушайте! – начал он.

– Сядьте, – жестко сказал инспектор. – Чего вы, собственно, волнуетесь?

Час спустя, когда Хутиэли с Берковичем вернулись в Управление, инспектор спросил:

– А почему тебе, собственно, пришло в голову, что Брукнера застрелили?

– Понимаете, инспектор, такая мелочь... На щеке у него была струйка крови. Если он просидел под проливным дождем всю ночь, вода смысла бы кровь, верно? Значит, тело пролежало где-то, где не очень капало, и лишь потом его пе-

ренесли...

– Понятно, – кивнул Хутиэли.

Убийство в отеле

– Дорогой Борис, – задумчиво сказал инспектор Хутиэли, – мне бы и в голову не пришло, что ты играешь в такие игры.

– А почему нет? – удивился Беркович. Он сидел за своим столом и держал в руках газету «Маарив», раскрытую на странице, где были помещены фамилии победителей последней игры-лотереи. Вот уже три недели в газете каждый день публиковались вопросы, связанные с историей Израиля, и победителю, быстрее всех приславшему больше всего правильных ответов, обещана была путевка на двоих в одну из гостиниц Эйлата.

– Я всегда интересовался историей, – признался сержант. – А тут представился случай. И Наташа помогала, конечно, она тоже много знает. Две ночи в гостинице, лазурное море, пляж...

– Помрешь со скуки, – предупредил инспектор.

– С Наташей?

– Ну, разве что вдвоем вам будет интересно, – с сомнением сказал Хутиэли. – Я в прошлом году с Офрой был в Эйлате. Полежал на пляже, прожарился, но нет – этот отдых не для меня. И не для тебя, насколько мне известен твой характер.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Беркович. – Я бы пред-

почел путешествие по горам. Но Наташа в восторге от выигрыша, так что придется...

– Надеюсь, – резюмировал инспектор, – что за время твоего отсутствия здесь не случится ничего интересного.

В пятницу Борис с Наташей выехали в Эйлат, и дорога показалась им замечательной, хотя и несколько утомительной. До Беэр-Шевы они болтали и смотрели по сторонам, но потом Наташу укачало, и она заснула, опустив голову на плечо Бориса.

Он разбудил Наташу, когда автобус остановился на смотровой площадке у израильско-египетской границы. Пассажиры вышли, чтобы сфотографироваться на фоне египетского флага и пограничника-араба, Наташа выходить не захотела – жара здесь была, как в топке паровоза, где сожгли славного сына российского пролетариата Сергея Лазо. А Беркович подумал о том, что путешествие через горы и пустыни может стать значительным воспоминанием – не о номере же с кондиционером и видом на Красное море вспоминать на старости лет!

Номер действительно оказался с кондиционером, но вида на Красное море не было и в помине: окна и балкон выходили в сторону Эйлатского аэропорта, и любоваться можно было только притихшими и будто уснувшими тушами трех небольших «Боингов».

– Диспетчеры здесь тоже, наверное, умирают от скуки, – сказал Беркович.

– Что значит «тоже»? – возмутилась Наташа. – Ты это на себя намекаешь?

– Ну что ты, – вздохнул Беркович. – Я намекаю на господу Бога, который явно скучал, создавая это райское место.

На пляж они пошли, когда солнце уже заходило, купание в теплой, будто парной, воде не доставило Берковичу никакого удовольствия. А может, он просто привередничал, заранее настроив себя на то, что отдых будет скучен, как старый фильм?

Наташе, напротив, все здесь нравилось – и пляжи, полные туристов, и рестораны, где порции предназначались не для людей, а для гигантов типа Гаргантюа, и гостиница, где с третьего этажа на первый падал водопад. Вечер Наташа и Борис провели в ресторане, окна которого выходили на бухту, а потом поднялись в номер, и только теперь сержант Беркович понял, в чем состоит счастье. Он не стал говорить об этом вслух, поскольку не был уверен в том, что своим высказыванием не даст Наташе повода взять будущую семейную власть в свои руки. Беркович хотел, даже несмотря на предстоящий брак, остаться независимым и гордым. В общем – настоящим мужчиной.

Около одиннадцати, когда за окном номера, выходящим в сторону египетской границы, поднялась мрачная луна, за дверью раздался женский вопль. Собственно, Беркович сначала даже и не понял, кому принадлежал голос, разорвавший ночную тишину, будто сирена воздушной тревоги. Он в это

время стоял посреди номера в трусах, потому что лишь минуту назад вышел из-под душа. Однако условный рефлекс, возникший у Берковича за год службы в полиции, проявил себя, и несколько секунд спустя сержант выскочил в коридор, успев набросить рубашку и натянуть брюки, а Наташе приказав не двигаться с места.

Справа по коридору у открытой двери номера стояла бледная, будто греческая статуя, женщина в легком платье и кричала так, что из всех соседних номеров уже начали высказывать ничего не понимавшие жильцы. Двумя шагами Беркович преодолел несколько метров, втолкнул женщину в ее номер и закрыл дверь.

Крик смолк, как отрезанный.

– Что происходит? – рявкнул Беркович над ухом женщины, прекрасно зная, что именно такой тон немедленно приведет ее в чувство.

Именно так и случилось. Женщина смотрела на Берковича, и взгляд ее постепенно становился осмысленным.

– Убили... – пробормотала она. – Арика убили...

– Какого Арика? – спросил Беркович и только теперь оглядел номер. У окна стояло широкое кресло, и в нем лежал, раскинув руки, мужчина в плавках. Мужчине было лет сорок, и он был мертв, насколько может быть мертвым человек с пулей в груди. Ручеек крови уже запачкал замечательную оранжевую обивку кресла.

Беркович оставил женщину и подошел к трупу. Достаточ-

но было одного взгляда, чтобы понять, что стреляли, во всяком случае, не в упор, а с некоторого расстояния. Был ли выстрел единственным? И где оружие? И почему не был слышен выстрел?

Беркович взял мужчину за руку – рука была еще теплой, смерть наступила не больше нескольких минут назад.

Беркович отступил на несколько шагов, огляделся и увидел лежавший в двух метрах от входной двери пистолет системы «вальтер» с навинченным на ствол глушителем. Так, – подумал он, – вопросы об оружии и о том, почему не был слышен выстрел, решились сами собой.

Подойдя к телефону, Беркович вызвал скорую и полицию. Женщина следила за его действиями с безразличием, свидетельствовавшим, что она находится в состоянии шока.

Берковичу пришлось потратить немало усилий, чтобы усадить женщину на широкую кровать, она не сводила взгляда с тела.

– Пожалуйста, – сказал сержант. – Пока никого нет и все воспоминания свежи... Ваше имя.

– Грета, – простонала женщина. – Грета Бурштейн.

– А это... – Беркович кивнул в сторону лежавшего в кресле тела.

– Арик... Мой муж.

– Понятно. Что произошло? Вы видели, кто стрелял?

– Конечно! – с неожиданной силой воскликнула Грета Бурштейн и сделала попытку броситься вон из комнаты. Бер-

ковичу пришлось удержать женщину, и она бессильно опустилась на постель.

– Мы приехали из Иерусалима, – продолжала Грета. – Вчера были на пляже и сегодня тоже... После ужина поднялись... Арик сел почитать газету... Вдруг открылась дверь... И на пороге – мужчина. Высокий, в шортах... И в маске... В руке был пистолет. Мужчина стоял в коридоре. Он посмотрел по сторонам... А потом на моего мужа. Сказал: «Ну получи!» И два раза выстрелил. Я была... Я лежала... Он бросил пистолет в комнату на пол, повернулся и убежал... А Арик...

Женщину начали душить рыдания, и Беркович похлопал ее по руке.

Открылась дверь, и в номер ввалился патрульный полицейский, а за ним следом – два медика и администратор гостиницы. Следующие пять минут прошли в дикой суматохе, и Беркович с тоской наблюдал, как медики затапывают возможные следы, администратор не может выставить из комнаты многочисленную гостиничную службу, а полицейский, оробев при виде трупа, что-то кричит в мобильный телефон, пытаясь объяснить ситуацию своему начальству. Брать здесь власть в свои руки у Берковича не было никаких оснований, да и воспринято это было бы, несомненно, как попытка влезть не в свое дело. Вспомнив рассказ Греты Бурштейн, он тихо вышел в коридор, где странным образом порядок был больше, чем в номере. Двое полицейских оттеснили группу

любопытствующих постояльцев от дверей комнаты, что, конечно, не мешало никому обсуждать происшествие и строить версии одна нелепее другой.

Беркович наклонился и внимательно осмотрел пол в коридоре слева от двери, которая вела в номер Бурштейнов. Не обнаружив того, что он ожидал увидеть, сержант нахмурился и попытался еще раз представить себе картину убийства, нарисованную Гретой. Распахивается дверь – она и сейчас распахнута... На пороге появляется незнакомец с пистолетом в руке... Значит, стоял убийца вот здесь, поскольку в номер он не входил, а с другого места не видно кресло... Так. Раздался выстрел – тихий хлопок, поскольку пистолет был с глушителем. После этого убийца швыряет оружие в комнату, оно падает на пол в метре от двери... А негодяй убегает – в сторону лестницы, надо полагать, вряд ли он стал бы дожидаться лифта.

Если все было именно так, то...

– Эй! – крикнул один из полицейских. – Я вам говорю! Что вы там делаете? Отойдите от двери.

Беркович поднялся с колен и показал патрульному свое удостоверение.

– Прошу прощения, – сказал тот. – Я не видел, как вы приехали.

– Я и не приезжал, – объяснил Беркович. – Я в отпуске и живу на этом этаже. Прошу прощения...

Он вошел в номер, где уже закончился осмотр трупа, ме-

дики погрузили тело на носилки и понесли из комнаты. Администратору удалось прогнать из номера лишних людей, и сейчас здесь, кроме него и бледной, как смерть, Греты Бурштейн, находились эксперт-криминалист и патрульный полицейский. Берковичу пришлось представиться, показать удостоверение и попросить разрешения участвовать в дознании. Пистолет, из которого был сделан смертельный выстрел, все еще лежал на полу, и вокруг него была мелом очерчена неровная окружность. Беркович обошел это место и склонился над полом в левом углу комнаты. Конечно же, он именно здесь обнаружил то, что искал, и подозвал эксперта.

– Вот, – сказал он, указывая на два сплюснутых кусочка металла, – это стрелянные гильзы.

– Вижу, – кивнул эксперт. – Не трогайте, я заберу их как вещественное доказательство. Кстати, сержант, вам не кажется странным, что убийца, убегая, бросил пистолет?

– Убегая? – удивился Беркович. – Он никуда не убегал.

– Простите? – поднял брови эксперт.

Не ответив, Беркович подошел к Грете, все еще сидевшей на постели, и спросил:

– Вы сами отдадите свою перчатку или мне придется обыскать комнату?

– Какую перчатку? – едва двигая языком, спросила Грета.

– Вы надели перчатку, когда взяли пистолет, – пояснил Беркович. – А может, обмотали руку своим платком... Во всяком случае, на пистолете наверняка не будет ваших паль-

цевых следов, это очевидно.

– Не понимаю... – пробормотала Грета, глядя на Берковича с ужасом.

– Все вы прекрасно понимаете! – отрезал сержант. – Почему вы убили мужа?

– Он, – всхлипнула Грета. – Он – негодяй! Он даже здесь мне изменил с этой... с этой...

Она не смогла закончить фразу, ее душили слезы ненависти.

– Я слышала, та женщина убила мужа, – сказала Наташа, когда полчаса спустя Борис вернулся наконец в свой номер.

– Быстро же распространяются слухи, – пробормотал сержант.

– Господи, – воскликнула Наташа, – здесь всего-то десять метров! Не такая уж большая скорость...

– Да, она убила, – подтвердил Беркович. – И хотела выдать это за чью-то месть. Но... Не женское это дело – убивать. Она стреляла в номере и хотела убедить полицию в том, что убийца стрелял из коридора, а потом сбежал. Но стрелянные гильзы лежали у стены в комнате, а вовсе не в коридоре... Про гильзы женщина совсем забыла... А может, и вовсе не знала.

– Когда я буду тебя убивать, – серьезно сказала Наташа, – то непременно позабочусь о гильзах. Соберу их в платочек и выброшу в окно.

Алиби при луне

– Меня всегда удивляло, – сказал инспектор Хутиэли, – как Эркюлю Пуаро удастся даже во время отдыха на Ривьере сталкиваться с убийством? Иные могут всю жизнь прожить и ни разу не увидеть убитого человека, а тут, смотри-ка, именно профессиональный сыщик именно в нужный момент оказывается в нужном месте...

– Да, – сдерживая смех, ответил Беркович, – это Агата Кристи не продумала. Отступила, так сказать, от жизненной правды.

– Конечно! – воскликнул Хутиэли. – Все это очень неправдоподобно.

– Согласен, – кивнул Беркович. – Я понял, на что вы намекаете. Мол, как только некий сержант Беркович отправился отдохнуть в Эйлат, так сразу в гостинице убили человека. Будто нарочно, чтобы Беркович смог продемонстрировать свои таланты.

– Ты правильно меня понял, – усмехнулся Хутиэли.

– Уж не намекаете ли вы, инспектор, – сурово сказал Беркович, – что я специально это убийство организовал?

– Согласись, Борис, что это странно: как только ты отправился в...

– Ну да, – несколько невежливо прервал начальника сержант, – это я уже понял. Отныне я не буду останавливаться

в отелях, а равно и в кемпингах, а также не буду ходить в театры и прочие увеселительные заведения. Ибо, достаточно мне где-то появиться, как там происходит убийство...

– Не преувеличивай! – сказал Хутиэли. – Одно совпадение – еще не статистика. Но если это случится во второй и третий раз...

– ...То мне лучше будет последовать примеру Пуаро и уволиться из полиции, чтобы заняться частным сыском.

– Вот еще! Ты мне и здесь пригодишься, – заключил дискуссию инспектор. – А что касается жизненной правды, то в реальности случаются куда более странные совпадения, чем в романах. Помню, в прошлом году приехала к нам в гости тетя из Майами...

Поскольку историю с тетей, нашедшей племянника по фотографии в местной газете, Беркович слышал уже по крайней мере пять раз, он повернулся к компьютеру и углубился в чтение вчерашней сводки происшествий. Инспектор продолжал развивать свою мысль, но сержант воспринимал его слова лишь как ненавязчивый звуковой фон. Поэтому, когда Хутиэли неожиданно повысил голос, Беркович не сразу понял, что произошло.

– Сержант, – резко сказал инспектор, – я к тебе обращаюсь!

– Простите, – пробормотал Беркович, – зачитался...

– Нашел что читать! – пожал плечами Хутиэли. – Ты хоть слышал, что я тебе говорил?

– Боюсь, что...

– Понятно. Звонил комиссар Пундак из Петах-Тиквы. У них там ночью произошло убийство.

– Меня там не было, – вставил Беркович.

– Оставь свои шуточки, дело серьезное. Убит Арон Зюсс, личность в тех краях довольно известна, у него три продовольственных магазина и еще он играет... играл на бирже, причем довольно успешно.

– Пундак приглашает нас участвовать в расследовании?

– Нет, конечно, расследованием он будет руководить сам. А к нам обратился за помощью в проверке алиби одного из главных подозреваемых. Сейчас по факсу придут кое-какие материалы. Прочитай и займись. Не думаю, что это отнимет много времени, но все-таки отвлечет тебя от чтения вчерашней сводки.

Открылась дверь, и в кабинет заглянула Дорит Ольмейда, одна из секретарей или, как ее называл Хутиэли, «око полиции».

– Вам факс из Петах-Тиквы, инспектор, – сказала девушка.

– Это ему, – Хутиэли показал, на чей стол положить три листка бумаги, и расписался на бланке получения.

Труп Арона Зюсса был обнаружен рано утром, когда домой после ночной прогулки с девочками вернулся Беня, семнадцатилетний сын убитого. Тело лежало в салоне, Зюсс был смертельно ранен двумя пулями, одна из которых попала в

голову. Он попытался, видимо, доползти до телефона, но не сумел этого сделать. Самое странное, что два выстрела слышали все соседи – Зюсс жил на первом этаже двухэтажного коттеджа, и окно салона, выходявшее на улицу, было открыто.

«Было часа два ночи, – показал Дан Ривлин, сосед Зюсса со второго этажа. – Я проснулся от какого-то резкого хлопка. Секунду спустя раздался еще один хлопок, и я понял, что это выстрел. Я прислушался, но все было тихо, больше никто не стрелял. Тогда я повернулся на другой бок и спал до утра»...

«Было два часа и семь минут, – показала Фрида Маркиш, квартира которой находилась в доме напротив. – Это я помню, потому что машинально посмотрела на часы. Я смотрела телевизор, вообще я сова и раньше трех не ложусь... Откуда-то с улицы раздалось два громких хлопка, я подумала, что это могут быть выхлопные газы от машины... Я подошла к окну и выглянула, но на улице не было машин, и тогда мне пришло в голову, что это были выстрелы. Однако все было тихо, нигде никакого движения... Я постояла у окна минуту-другую и пошла досматривать сериал»...

Выстрелы слышали еще два соседа. Один из них, Моше Грубер, даже позвонил в полицию, но на вопрос, откуда именно раздалось выстрелы, он ответить не смог. Патрульная машина, прибывшая через десять минут, дважды объехала квартал, но ничего подозрительного не обнаружила. О том, что произошло убийство, в полиции узнали только

утром.

Подозрения у комиссара Пундака вызвали два человека, о которых было известно, что они часто бывали в квартире Зюсса и, в частности, вечером перед убийством тоже посетили коттедж в Петах-Тикве. Первым был Соломон Эдельман, давний приятель Зюсса, заядлый биржевый игрок, у которого не было другого занятия – он то заколачивал крупные суммы и тогда с шиком тратил деньги, то в одночасье спускал все, что успевал выиграть, и тогда его жена грозила выбросить мужа из дома, а Соломон клялся, что больше никогда не будет иметь дела с акциями. Вчера вечером Соломон приехал к Зюссу в десять, а когда уехал – не видел никто.

Вторым подозреваемым оказался джазовый музыкант Биби Кабира, игравший в ресторане отеля «Шератон» в Тель-Авиве. Кабира был знаком с Зюссом года два, связывали этих людей какие-то совместные финансовые операции. Кабира приехал к Зюссу, когда ресторан закрылся, был первый час ночи. О чем он говорил с хозяином и когда уехал, не было никаких сведений.

Вопрос заключался в том, оставался ли кто-то из этих людей в коттедже до семи минут третьего, когда прозвучали выстрелы. Эдельман жил недалеко от Зюсса, в Бней-Браке, это была территория, где комиссар Пундак чувствовал себя хозяином. Он немедленно явился к Эдельману домой, изъяс для экспертизы принадлежавший хозяину пистолет (проверка на месте показала, что оружием давно не пользова-

лись) и устроил Соломону и его жене Эстер допрос с пристрастием. Эстер утверждала (вопли ее слышны были на соседней улице), что муж вернулся домой в полночь, был трезв и спал до утра, как младенец, успев, правда, исполнить свои супружеские обязанности. Соломон подтвердил все, сказанное женой, добавив, что, уезжая, оставил Арона одного и, естественно, живого.

Похоже было, что Эдельман действительно не имел к убийству никакого отношения. Оставался Биби Кабира, который жил на своей вилле в северном Тель-Авиве. Пундак с удовольствием нагрянул бы к Кабуре сам, но для этого нужно было получить разрешение, поскольку формально это была не его территория. Поэтому...

– Понятно, – сказал Беркович. – Уже потеряно много времени, инспектор.

– Да, – кивнул Хутиэли. – Поезжай, разберись с этим Кабирой. Собственно, твоя задача – проверить алиби. Расследование ведет Пундак, пусть сам и расхлебывает кашу...

Берковичу пришлось долго звонить в дверь. Кабира открыл минут через десять, глаза у него были заспанными, и он долго не понимал, чего от него хотят. Где он был ночью? А почему, собственно, это так важно? Услышав о смерти Зюса, Кабира долго смотрел в одну точку, а потом пришел наконец в себя и засуетился.

– Думаете, это я его... э... – бормотал он. – Ничего подобного, клянусь... У меня и пистолета нет, и права на но-

шение оружия... Можете хоть все обыскать... И вообще, я был у Арона несколько минут. Этот, как его... Эдельман тоже приезжал, но раньше, я его не застал... Я передал Арону деньги... Сколько? Три тысячи я был ему должен... И уехал, потому что... О! Так я вам сейчас покажу!

Кабира хлопнул себя по лбу с такой силой, что Беркович подумал, что музыкант хотел вышибить себе мозги. В следующую секунду Кабира бросился к лестнице, которая вела на второй этаж, и сержант поднялся следом, стараясь держаться поближе к «объекту». Наверху оказалась только дверь на крышу, распахнутая настежь. Крыша виллы была своеобразным летним салоном под открытым небом – здесь стояли диван, журнальный и сервировочный столики, кресло-качалка, куда Кабира немедленно и бросился, будто его не держали ноги.

– Уф, – шумно вздохнул он. – Хотите выпить? Кола в той бутылке, видите?

– Вижу, – сказал Беркович. – Но вы не ответили на мой вопрос: можете ли вы доказать, что после часа ночи и до утра находились здесь? Вы понимаете, что вас могут обвинить...

– Чушь! – воскликнул Кабира, раскачиваясь в кресле. Он уже вполне пришел в себя и, похоже, разговор с сержантом даже начал доставлять ему удовольствие. – Я был дома и легко вам это докажу. Я наблюдал за метеорами, вот что я делал ночью!

– За метеорами? – удивился Беркович.

– За метеорами! – повторил Кабира. – Вы не знаете? Сегодня ночью прошел метеорный дождь, об этом же все газеты писали! Я человек романтического склада, поэтому после работы заехал к Арону, отдал деньги и поспешил домой. Поднялся сюда и до трех часов следил за метеорами. А потом пошел спать. Могу доказать, нет проблемы! Я фотографировал небо своим «поляроидом». Ни черта, конечно, не получилось, я думал, что смогу сфотографировать след метеора, но выдержка, должно быть, слишком мала... Но время! На фотографии ведь отпечатывается дата и время съемки! Вон там посмотрите, сержант, на журнальном столике.

Беркович взял в руки стопку фотографий. «Поляроид», о котором говорил Кабира, лежал здесь же. Да... Неизвестно, каким Кабира был музыкантом, но фотограф из него был никудышним. Чернота, только на двух снимках из восьми виден был бледный, явно не пропечатанный, серп луны. Но время отмечено – это факт. Беркович перебрал фотографии – первая была сделана в час тридцать две минуты, последняя, восьмая, в два часа двадцать девять минут. Что ж, если так, то Кабира действительно никак не мог оказаться в два часа семь минут в коттедже Зюсса... Надежное алиби.

«Слишком надежное», – подумал Беркович. Он взял в руки фотоаппарат и сверил числа в окошечке с временем на своих часах. Разница составила одну минуту. Значит, Кабира не соврал, и в два часа он был здесь, пялился в небо и...

– Надежное алиби, – сказал Беркович. – Вы позволите

изъять аппарат и фотографии, их нужно будет использовать в качестве вещественных доказательств. Сейчас я составлю протокол...

– Пожалуйста, – величественно кивнул Кабира. – Я честный человек, мне нечего скрывать...

– Его честность, – сказал сержант Беркович инспектору Хутиэли полчаса спустя, – с самого начала вызывала сомнения. Слишком уж он играл на публику. Когда я увидел фотографии, то не сразу понял... Видите ли, инспектор, он подвел электронный таймер фотоаппарата на два часа назад, а потом, сделав снимки, опять поставил точное время. Но луна... Господин Кабира забыл о луне. Она восходит сейчас около половины четвертого.

– Он ведь музыкант, а не астроном, – хмыкнул Хутиэли.

– А я, по-вашему, астроном? – поднял брови Беркович.

– Ты – полицейский, Борис. Значит, когда нужно, и астроном тоже. Я прав?

– Возможно, – сказал Беркович. – Видите ли, подумав о том, что Кабира мог соврать, я посмотрел календарь, вот и все.

На бытовой почве

Рабочий день подходил к концу, и сержант Беркович все чаще поднимал взгляд на своего шефа, инспектора Хутиэли, сидевшего за столом в глубокой задумчивости. Трудно было сказать, о чем думает инспектор: то ли о деле, которым занимался третьи сутки, то ли о том, что ему надоело каждый день заполнять кучу бланков, когда все сведения можно сообщить заинтересованным лицам, послав информацию по компьютерной сети.

Что касается самого Берковича, то сержант с удовольствием думал о том, как пойдет с Наташей в театр – в кои-то веки они решили выбраться на спектакль «Гешера». В Москве Наташа была заядлой театралкой и не пропускала ни одной премьеры на Таганке или в Вахтанговском. А здесь, в Израиле, сначала было как-то не до театров, а потом, когда вновь появился интерес к искусству, стало катастрофически не хватать свободного времени: Наташа работала на фабрике золотых украшений и возвращалась домой либо слишком поздно для того, чтобы идти в театр, либо, наоборот, нужно было уже в десять ложиться спать, чтобы в четыре утра быть готовой – за работницами заезжал служебный автобус.

Борис, правда, утверждал, что после свадьбы все изменится, и когда Наташа переедет жить к нему, ей не нужно будет работать вообще, потому что его полицейской зарплаты

хватит, чтобы прокормить семью, тем более, что еще и мама будет отдавать молодоженам свою пенсию.

Свадьба, о которой Беркович говорил все чаще, тем не менее постоянно откладывалась, и Хутиэли начал уже подтрунивать над своим сотрудником, хотя и знал прекрасно, что сержант ни при чем – просто у Наташи болел отец, недавно ему сделали операцию на сердце, и молодые не хотели праздновать, пока Наум Григорьевич не оправится настолько, чтобы присутствовать на торжестве.

– Что ты на меня смотришь? – пробурчал инспектор Хутиэли, встретив взгляд сержанта. – Думаешь, я не вижу, как тебе не терпится уйти? Я тебя, кстати, не держу. Тебя держит на рабочем месте совесть, которая не дает тебе покоя. Похоже, ты думаешь, что, как только закроешь за собой дверь, так сразу придет сообщение об убийстве или ограблении, и мне придется ехать на вызов одному, без тебя. Я прав?

– Ну... – протянул Беркович. – Нет, не правы. Я думал о статистике.

– О статистике? – поднял брови Хутиэли.

– Да, я как раз заполнял бланк квартального отчета... Смотрите: чаще всего преступления происходят на бытовой почве. Кто-то подрался и в пылу ссоры ударил обидчика ножом... Кто-то убил из ревности... А у нас за прошедший квартал преступления такого типа составляют лишь половину всех случаев. Из чего я заключаю...

Беркович надолго замолчал, глядя на экран компьютера,

и Хутиэли нетерпеливо сказал:

– И что же ты заключаешь? Предлагаешь ради статистики самим убить кого-нибудь на бытовой почве? Ты что, поссорился со своей будущей тещей?

– Вот еще! – воскликнул Беркович. – Нет, я заключаю, что в ближайшие дни нам придется иметь дело, скорее всего, именно с бытовыми преступлениями. Статистика не терпит отклонений.

– Только не думай об этом во время спектакля, – предупредил инспектор. – Иначе ты в самый неподходящий момент начнешь аплодировать.

– Не беспокойтесь, – улыбнулся Беркович и выключил компьютер. – Если сейчас не зазвонит телефон...

Конечно же, телефон зазвонил; как известно, закон Мэрфи – один из самых упрямых законов природы.

Инспектор Хутиэли поднял трубку, и брови его хмуро сошлись на переносице.

– Хорошо, – сказал он, – я сейчас спущусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.